

Папины притчи.

Большинство моего поколения не избаловано явным, откровенным вниманием своих родителей. Разве тогда мы понимали, какой непосильный груз они несли на своих плечах в послевоенные годы? Мы были детьми, слишком малы, чтобы понять это. Не потому ли, нет-нет, да и теперь приходится слышать упрёк в их адрес по этому поводу, мол, не додали, нами не занимались, нас не пестовали, не нянчили, не воспитывали, тем самым пытаюсь оправдать свои недочёты в сложившейся жизни, а порой и спрятаться за них, будто и не было периода взросления, становления, осмысления, самовоспитания.

Признаться, я и сама достаточно долго думала, что росла, как дикая трава в поле. Вольный ветер: куда хочу, туда и иду – без наказов, без указующего перста. Словом, за ручку меня не водили. Кто был в моей ситуации, тот понимает, о чём речь. Должно было пройти время, чтобы понять, как же я ошибалась и была неправа.

Теперь, на склоне лет, часто вспоминаю выходные дни, когда отец, мать, старшие братья и сестра, занимаясь своими делами, общались между собой. Я же, самая маленькая во всех смыслах слова, искала, куда себя деть. И тогда, видя это, папа предлагал мне почитать для всех. И тут же уточнял, что именно. Я усаживалась на маленький стульчик, бывший когда-то дубовой солдатской табуреткой, у которой до минимума спилили ножки, и начиналось чтение. Шолом-Алейхем, "Бравый солдат Швейк", "Угрюм-река" – сколько сочувствия, сострадания, радости, смеха, соучастия. Какие счастливые дни...

И всё же отдельно, по поводу и без, вспоминаются отцовские рассказы, житейские истории, притчи. В том возрасте, когда я их слышала, далеко не всё воспринимала, но память сохранила их, и разгадка для меня пришла позже. К тому же, и сейчас приходится убеждаться в том, что они актуальны, ибо под видом шуток, коротких историй, намёков разговор шёл о будущей жизни, о серьёзных вещах.

Сейчас я уже "хорошо подросла". Ситуация, обстоятельства складываются так, что вынуждена зависеть от помощи других. Приходит помощница (ивр. - метапелет), моет посуду: пару чашек, тарелку, кастрюльку. На дворе жара, обе пьём воду – без неё никак. Опять мытьё. Но вот кончается рабочее время, помощница уходит. Я решила расставить всё по местам. Беру стакан – на нём следы губной помады, помады той самой помощницы. Приподнимаю кастрюлю – ручки, дно в жире. И тут же всплывает в памяти папина притча.

В еврейской семье девушку выдали замуж. Всё бы хорошо, да проходит какое-то время, и дочь с воплями возвращается домой. "Что случилось?" – встревожились все. "Не могу больше с мужем жить, он обижает меня. Что ни делаю, не могу угодить", - отвечает молодая. Все притихли. Затем последовал вопрос отца: "Что же конкретно ему не нравится?". "Каждый раз, - отвечает она, - как бы и что бы я ни старалась приготовить и подать ему, он всё съедает, но после всего поднимает тарелку над головой и, хмурясь, говорит: "Обэр дер "дус", обэр дэр тухыс..." (идиш; "но попа, но ж...па..." – да простит меня деликатный читатель за прямолинейность – автор). Затем ставит тарелку на стол и уходит недовольный". Все задумались, что бы это значило? Но не зря же отцов называют мудрыми. Вот и этот решил понять, что же так не удовлетворяет зятя. Он предложил сделать всё ровно так, как дочь делала для мужа. И вот уже готов обед, всё на столе. Отец садится, всё съедает, затем приподнимает пустые тарелки, как это делал зять, и на каждой замечает грязное дно, и его осенило: "А дус, ман таяры тохтар, ыз дэр "дус", а дус ыз дэр тухыс" ("Вот, дорогая доченька, и есть попа, вот тебе и ж...па").

Этот рассказ, притча, за воскресным столом в моём детстве звучал не один раз, сопровождаемый смехом всех остальных, и я ещё тогда хорошо усвоила, как надо мыть посуду. Однако потребовалось время, чтобы осознать, что рассказ касается не только чашек, тарелок, кастрюль и прочей домашней утвари. Речь так же идёт о поступках, действиях, о том, что не только на виду, но и за пределами видимости, в том числе и о душевной чистоте.

Вспоминается и ещё одна притча, в актуальности которой не раз убеждалась не только в зрелом возрасте, но и в нынешних условиях. Но лучше ближе к самому рассказу. Тем более, мне кажется, что слышу папин голос.

Одному зажиточному человеку потребовался помощник по разным делам. Только успел оповестить об этом, как прибежал претендент на эту должность и сообщил, что готов к выполнению работы. Хозяин говорит, что ему нужна такая-то ткань. Не успел он закончить, как будущий работник тут же срывается с места и мчится на поиски. Очень быстро возвращается и сообщает, что видел нужную ткань у торговца на рынке. "А в магазине или ещё у кого-то не заметил такое же?" – спрашивает хозяин. Молодец опять сорвался и побежал, а вскоре вернулся с ответом. "Ткань в рулоне или отдельными кусками?" – опять звучит вопрос. Бедолага срывается и опять мчится вперёд.

Тем временем приходит ещё один желающий занять место, и хозяин начинает с того же: нужна такая-то ткань.

Мужчина уходит и через некоторое время возвращается с сообщением: "Такая ткань продаётся в трёх местах, и только в одном месте – в рулоне. Цена

в рулоне такая-то, отдельными кусками – дешевле. У одного продавца есть лошадь, и если вы берёте товар, он доставит Вам его домой бесплатно".

Не нужно долго гадать, какого работника выбрал себе хозяин. Но тут возмутился первый претендент: "Как же так? Я выполнил все твои поручения, я столько раз бегал, столько своего времени потратил. Я устал, наконец. Ты же берёшь того, кто в общем-то, и не спешил, и сходил-то всего один раз. Разве это справедливо?".

Хозяин посмотрел на него, улыбнулся и ответил: " Потому-то и беру, что он, прежде чем идти, продумал всё, что может потребоваться, а уж потом приступил к выполнению задания и поэтому с первого раза справился с ним отлично".

Ну кто может возразить, что такой подход не ценится и сегодня?..

Я же оказываюсь в очередной ситуации, о которой не хотелось бы вспоминать, но ценность её заключается в том, что она будит ещё одно воспоминание.

Очередной не то выходной, не то праздник. Мама закончила свои хлопоты. Вся семья за столом. Обед. Что бы ни готовилось, вкусно – мама была большой умелицей. Даже здесь, в Израиле, при встрече с земляками, мне рассказывали, какой она была прекрасной хозяйкой, какая у неё всегда была чистота, что за кулинарка, какой в молодости красавицей была. Но вернёмся к теме. Так вот, обед позади, но никто не спешит из-за стола. И тут папа начинает своё очередное сказание.

Один состоятельный человек расширил своё производство настолько, что ему стало тесно в стране проживания. Решил позондировать зарубежье – продвинется ли у него там дело. И вот появляется объявление о том, что требуются переводчики. Долго ждать не пришлось: желающих, знающих разные языки оказалось немало, и все готовы ехать хоть в одну сторону, хоть в другую, в том числе и на край света. В общем, куда угодно. Владелец огромных богатств подумал и решил, что может взять их всех в надежде, что все расходы окупятся в дальнейшем. И тут к нему подходит один еврей и говорит: "Зачем тебе брать столько людей. Я один могу справиться со всеми твоими проблемами. Во всяком случае, попробуй, отказаться от меня ты всегда сможешь".

Хозяин подумал и решил рискнуть. В конце-концов, он не так уж и много теряет. И вот согласие дано, человек посылается в Англию, затем в Германию, Францию, Америку и даже в Африку. Отовсюду он возвращается с исчерпывающими ответами.

Владелец обширного производства, наконец, удивляется и спрашивает: "Так сколькими языками ты владеешь?". "Одним, идиш" – отвечает еврей. У хозяина поднимаются брови, широко раскрываются глаза: "Как же, владея одним языком, ты так отлично справляешься?". "А я, - отвечает тот, - когда приезжаю в новую страну, всегда останавливаюсь в столице. Затем ищу театр или другое общественное место, где собирается много народу, и уж там, извинившись, прошу лишь одну минутку внимания. Поднявшись на сцену или трибуну, как уж придётся, задаю только один вопрос: "Сыз ду ду ымыцер, вэр редт аф идиш?" (Есть здесь кто-нибудь, кто говорит на идиш?). Обязательно, хоть один, да найдётся (вот как по свету рассеял нас Господь и вот что из этого выходит – автор). После этого, с тем, кто отозвался, мы выходим и договариваемся о последующей встрече. Потом я у него спрашиваю, есть ли в стране, городе кто-то, кто занимается нужным нам делом, где его можно найти, как попасть к нему, в какие дни и где принимает. И так спрашиваю всё, что меня интересует или может помочь в решении моей проблемы. Если мой собеседник чего-то не знает, он предполагает, подсказывает, кто может помочь.

В общем, владелец огромного состояния понял, какая находка оказалась у него, и не только не отказался от этого работника, но и значительно повысил ему зарплату, тем самым в дальнейшем сделав и его достаточно состоятельным и успешным.

Наверное, надо заканчивать со всеми своими воспоминаниями детства, но мне так хочется рассказать и ещё одну папину притчу.

Случайно встретились несколько знакомых мужчин. Давно не виделись. Заговорили о жите-бытье: как парнуса (идиш – достаток, заработок), как дети, жёны? На последнем задержались подольше. Дошли до того, что заспорили, чья лучше. Но как определить, как проверить? Решили, кто вкуснее хлеб выпекает, та и побеждает и, соответственно, муж тоже.

И вот пошли в гости по домам спорщиков. Заходят в первый – кругом чистота, дети ухожены. Хозяйка угощает хлебом – каравай белый, пышный, лёгкий, возьмёшь в рот – не успеешь заметить, как проглотил его и тянешься за следующим куском. Поблагодарили гости жёнушку и вышли. Её муж, радостный, счастливый, гордо спрашивает: "Ну что? Ну как?". Все хвалят, готовые сразу сдаться. И вдруг один, криво усмехнувшись, замечает: "Разве это хлеб? Вот моя жена печёт, так это хлеб".

Все переглянулись, притихли. Затем пошли дальше. Приходят к следующему. В доме не такой идеальный порядок, но вон и детей сколько – поди, уследи за ними. Да и хлеб не такой белый и пышный. Видать, мука не той белизны. А хлеб всё-таки вкусный. Поблагодарили и эту хозяйку и вышли. "Ну что, - вопрошает

её муж, - хороша моя жена?" Хороша, решили все, за исключением опять того же, кто был недоволен в первый раз.

И так идут приятели из дома в дом, и всё повторяется, никак не могут угодить оппоненту.

Наконец, добрались до его жилища. Открывают дверь – выходит заплаканная жена. В доме не то что беспорядок, но и порядком тоже не назовёшь, дети босые, непричёсанные. Мужчины переглядываются. Но вот по просьбе мужа женщина приносит хлеб – чёрный, тяжёлый, сырой, непечённый. Посмотришь – в руки брать не хочется, не то, что в рот. Однако отказаться никто не решается. Все кусают – скулы сводит. Гости хмурятся. И только муж уплетает кусок за куском и приговаривает: "А дус ыз а бройт, а дус ыз а бройт. Бэсэр кейнмул об их нышт гыэст. Кум цу мир, маны таяры, их вэл дир гибн а киш. ("Вот это хлеб, вот это хлеб. Вкуснее никогда не едал. Подойди ко мне, дорогая, я тебя поцелую".)

Когда папа заканчивал этот рассказ, я смеялась, хохотала. Ещё бы, у того, кто больше всех критиковал всё и всех, оказалось хуже всех. Ни папа, ни мама меня ни разу не одёрнули. Давали возможность дозреть? Понять? А ведь сколько любви, преданности в этой притче. Бедолага заранее знал, что ему в этом споре не победить. Из-за бедности. Из-за нищеты. Хотя могло быть и другое: из-за возможностей, способностей самой женщины. Однако муж не хотел выносить на поругание, посмеяние честь своей жены и защищал её, как мог. Не то, что нередко сейчас: и муж плох, и жена не та, и дети выросли не такие. "Аколь нишар ба мишпаха" (иврит. "Всё остаётся в семье") – может быть, хоть изредка стоит вспомнить об этом, а не всё для всех, всё на показ. Сколько житейской мудрости в этом повествовании...

Заканчивая свои воспоминания и оглядываясь назад, в своё детство, ещё раз убеждаюсь, насколько была неправа в своих первых выводах о воспитательной функции моих родителей. Исключая войну, гетто, поход на расстрел, постоянный страх и голод, сопутствующие тем обстоятельствам, понимаю, какую школу мне посчастливилось пройти потом, в послевоенное время, в семье моих родителей, где другими средствами, нежели в обычной школе, учили думать, сравнивать, сопоставлять и оставляли место для собственного дозревания и прозревания.

Предполагаю, понимаю, что не у всех была такая атмосфера в доме. Да и не у всех были отцы, не все они выжили в той бойне, не все вернулись домой. И всё же уверена, что в каждой или почти в каждой семье было что-то своё, родное, дорогое и очень ценное. Или не заметили? Или позабыли? Не взяли с собой в дальнюю дорогу под названием ЖИЗНЬ?..

И напоследок, как постскрипtum. Не обязательно быть инженером, педагогом, учёным и так далее, чтобы создать такой дух, атмосферу в своём доме. Мой отец был портным (правда, своё мастерство ещё до революции он совершенствовал в Будапеште и к тому же владел семью языками, в том числе венгерским, чешским и немецким). Но в чём я убеждена, так в том, что надо любить свою семью, дорожить ею, а не просто возвышаться, наслаждаясь своим величием, доказывая своё превосходство. Тогда, предполагаю, детям будет что вспомнить о своём детстве в родительском доме.

Или я вновь ошибаюсь?..

Лидия Корнеева,
журналист.
Октябрь, 2018 г.,
г. Беэр-Шева.